

Борис Михайлович Кербель (1910-1992)

Портрет Бориса Кербеля, Г. Новикова

Личный листок по учету кадров:

09.1926-12.1930 – студент Сибирского технологического института (г. Томск)
 01.1931-05.1933 – ассистент Сибирского строительного института (г. Томск)
 06.1933-03.1936 – инженер-архитектор Восточно-Сибирского института сооружений (г. Иркутск)
 03.1936-05.1944 – инженер-архитектор, главный архитектор института «Востсибпроект» (г. Иркутск)
 05.1944-10.1959 – начальник отдела по делам архитектуры Облсполкома (г. Иркутск)
 10.1959-12.1961 – главный архитектор Иркутской области
 12.1961-1970 – зав. отделом по делам строительства и архитектуры Облсполкома (г. Иркутск)

Казалось бы, теперь, когда открылся в Доме архитектора музей, где выставлен его архив, нет ничего проще, чем сесть и написать о том, какой это был человек. А на деле все не так, не хватает чего-то. Я не могу сказать, что для этого нужно было быть лично знакомой с Борисом Михайловичем. И, наверное, если бы в теперь уже далеком 1986-м, когда я впервые увидела его, мне сказал кто-нибудь, что спустя двадцать лет я буду в этом затруднительном для меня сегодня положении, то, набравшись храбрости, подошла бы к нему и поговорила. Правда, не представляю даже – о чем. Все равно уже поздно. А тогда само «Кербель» произошло молодыми архитекторами, завидев его, полу-, а то и шепотом, полным уважением и какого-то необъяснимого почтения. Хотя я точно уверена в том, что никто из тогдашних молодых толком даже и не знал, что Борис Михайлович как архитектор сделал для города, и уж тем более – какой это был человек.

Из автобиографии:

«Я, Кербель Борис Михайлович, родился в 1910 году в гор. Иркутске. Я родился в семье рабочего типографии. В 1926 году по окончании средней школы поступил в Томский технологический институт. Окончив его по архитектурному отделению инженерно-строительного факультета, я был оставлен ассистентом кафедр «Гражданская архитектура» и в 1932 году в порядке стажировки направлен в проектный институт «Гипрогор» в г. Москве. В 1933 г., по согласованию с ректоратом, я был назначен старшим архитектором филиала «Гипрогора», образованного в г. Иркутске. В этой организации, именованной позже вследствие реорганизаций «Востсибпроект» и «Ирблпроект», я проработал старшим архитектором, начальником комотдела и главным архитектором до 1944 года на проектировании гражданских зданий, а в период 1941-1943 гг. – в основном на объектах гражданской обороны и устройстве госпиталей.

В 1944 г. решением Облсполкома я был отозван из института и назначен заведующим Отделом по делам строительства и архитектуры. В 1970 г. мне была присвоена персональная пенсия, и я был приглашен в «Иркутскгражданпроект» главным специалистом отдела и членом Совета института. В это же время я вошел в состав областной и позже Иркутской городской архитектурно-технической комиссий и градостроительной комиссии. Я работаю также экспертом Областного отдела по делам строительства и архитектуры...

Я являюсь членом Союза архитекторов СССР с 1934 года. За этот период избирался в разные созывы членом правления и председателем Иркутской организации. В 1934 г. был выбран делегатом организационной конференции Союза от Восточно-Сибирского края. Также был делегатом съездов Союза и членом правления СА второго созыва...»

Изучая архивные материалы, которых сохранилось не много, я прочитала три автобиографии Бориса Михайловича. Представленная выше – последняя и датированная 30 июня 1979 года – была написана им «по случаю». Именно тогда, в 1979 году Иркутская организация Союза архитекторов СССР поддержала выдвижение кандидатуры архитектора Кербеля Бориса Михайловича на присвоение почетного звания «Заслуженный архитектор РСФСР». (Выписка из протокола от 25.06.1979, председатель правления ИО СА СССР – Павлов В.А., секретарь – Антипин Л.Ф.)

Кроме автобиографий сохранились и «личные листки по учету кадров», и даже «Список выполненных проектов жилых и гражданских зданий, (в основном) осуществленных», составленный самим Борисом Михайловичем. Этот пожелтевший листок представляет, на мой взгляд, особый интерес для каждого, интересующегося историей города, да и страны в целом. Здесь можно найти и завод им. Сталина, и стадион «Авангард», которые позднее были переименованы. Чтобы не перечислять все, привожу его именно в том виде, в котором я его получила для работы над этим материалом.

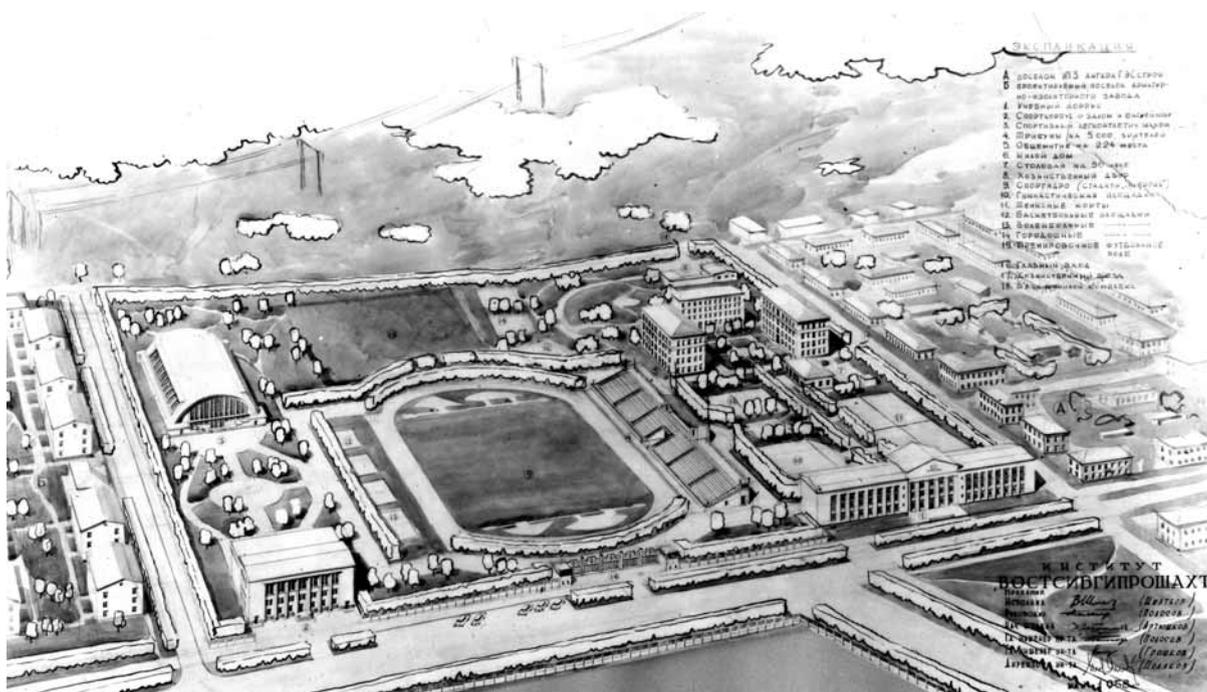
Список выполненных проектов жилых и гражданских зданий, (в основном) осуществленных:
 Цирк в г. Томске (в бригаде)
 Рабфак в г. Кемерово
 Комплекс Строительного института в г. Новосибирске (в бригаде)
 Дом специалистов в г. Чите
 Дом специалистов в г. Улан-Удэ
 Дом «Лензолото» в г. Иркутске
 Корпус санатория в г. Усолье-Сибирском
 Корпус санатория в г. Иркутске
 Поликлиника в г. Иркутске
 Дворец «Каторги и ссылки» в г. Иркутске (осуществлен частично)
 Комплекс малоэтажных жилых домов з-да им. Сталина в г. Иркутске

Административное и жилое здание УИТЛ МВД
 Административное и жилое здание ССМЧ-32
 Кинотеатр на 400 мест в г. Иркутске
 Стадион «Авангард» в г. Иркутске с трибунами на 25 тыс. мест
 Жилой многоэтажный дом з-да им. Куйбышева
 Рабочие чертежи и интерьеры Дома Советов в г. Иркутске (по проекту арх. Виноградова, не окончен строением)

Из не осуществленных (проекты утверждены к строительству):
 Дом культуры з-да им. Сталина
 Музыкальное училище
 Кинотеатр на 400 мест в г. Черемхово
 Управление пароходства
 Жилкомбинат Горного института
 (Жаль, на документе не представлена дата, но вещь, безусловно, ценная. – Авт.)

Позднее появились новые объекты, связанные в первую очередь с решением градостроительных задач огромных масштабов и становлением и развитием крупнейших промышленных районов Иркутско-Черемховского, Братско-Илимского, Новозиминского и возникших в этих районах новых городов: Ангарска, Братска, Шелехова, Усть-Илимска, Железногорска, Саянска и других. Сам же Борис Михайлович особо отмечал работы, проведенные в 1960 г. в качестве председателя комиссии по проектированию, строительству, реконструкции и оборудованию объектов, связанных с намечавшимся приемом президента США в городах Иркутске и Братске, а также на Байкале.

«Здания, построенные по проектам архитектора Кербеля, по проектам, разработкой которых он руководил, пользуются всеобщим признанием, органично вошли в исторически сложившуюся городскую среду, являя собой пример творческого сочетания старого и нового, придавая городу то своеобразие и неповторимость, которые наряду с другими факторами способствовали отнесению г. Иркутска к городам историческим» (из характеристики на архитектора Б.М. Кербеля).

**Из воспоминаний
Е.Ф. Янко:**

«...К слову, ведь первым председателем правления с 1935 года по 1941 год был Б.М. Кербель, потом был перерыв в деятельности организации, а с 1945 по 1950 он вновь возобновил свои обязанности на этом посту. Затем уже в 1950 я сменил его.

Борис Михайлович был для нас един во всех ипостасях, он был и непосредственным начальником на работе, и председателем правления, он же давал задание на проектирование, так как был членом архитектурной комиссии.

Умный и мудрый человек, у него было много административной работы, но на правлениях и заседаниях был на равных со всеми, старался помогать нам, молодым архитекторам. С его супругой, она работала инженером-электриком, мы спроектировали тоже несколько домов.

Я был вхож в их дом. У Бориса Михайловича было увлечение Востоком, он хорошо знал искусство и многое коллекционировал....

Но уже в то время не любил сидеть за доской, да, по складу ума и характера это был хороший администратор. А я говорил ему – Вы мне дайте эскиз, а я его до работаю».

**Из воспоминаний
С.Д. Нечволодова:**

«Только тринадцать лет прошло, как Борис Кербель умер, а мы все реже вспоминаем его, который так много значил для каждого из нас, для новоиспеченных специалистов, приехавших «понюхать» Сибирь в начале 60-х, и для родившихся на Ангаре...

Не будь в то время и в том месте такого сильного человека, многие разбежались бы и возвратились в Европу значительно раньше, чем это произошло.

А он и не уговаривал отъезжающих. И на свободу «не давил»... Я после обычных конфликтов знакомства и детских «ху-из-ху» полюбил его, как отца родного. Как и другие... В его неприятии нашего наивизма, отрицаниях, презрениях, сарказме всегда был урок – как в розгах.

Не смогу склеить свои картинки о нем, а может, и не стоит. Надеюсь, они будут интересны только для тех, кто его помнит. Все это только память о личных отношениях.

Чтобы беседовать с Борисом Кербелем, нужно было читать Сомерсета Моэма, Кафку, газету «Советский спорт» (за 1946 год), СНИПы и «не лаять» на Аллу Пугачеву.

Никогда не учил меня пресмыкаться, приспособли-

ваться, вступить в КПСС..., но однажды в каком-то проектном конфликте запугивал, требовал сдать – клянусь, не помню, кто выиграл. Он не был злопамятен ко мне. Разделял сотрудников (в том числе архитекторов) на синих и красных (не по идеологической принадлежности) по степени консерватизма (беспросветности). И те, кто не пели с ним в унисон, синели «на глазах».

Профессиональное мнение свое о проекте грубо не навязывал, но оппонента мог «заглатывать» месяцами (годами?).

В спорах часто возбуждался до..., но не бранился, нецензурным не пользовался никогда.

Спорт любил, спортом жил пополам с архитектурой. Когда судил даже любительский волейбол и ехидно ухмылялся с вышки, я всегда ошибался на площадке и подводил своей «Гипрошахт».

Когда Борис Кербель лежал в своей «больничке» (спецполиклинике по ул. Ленина), с удовольствием выслушивал рассказы и о дворовом «футболе» на первенство Иркутска. «Гипрошахт» «надрал» «Промстрой (проект)». Я не стеснялся ему продемонстрировать свою ободранную шкуру...

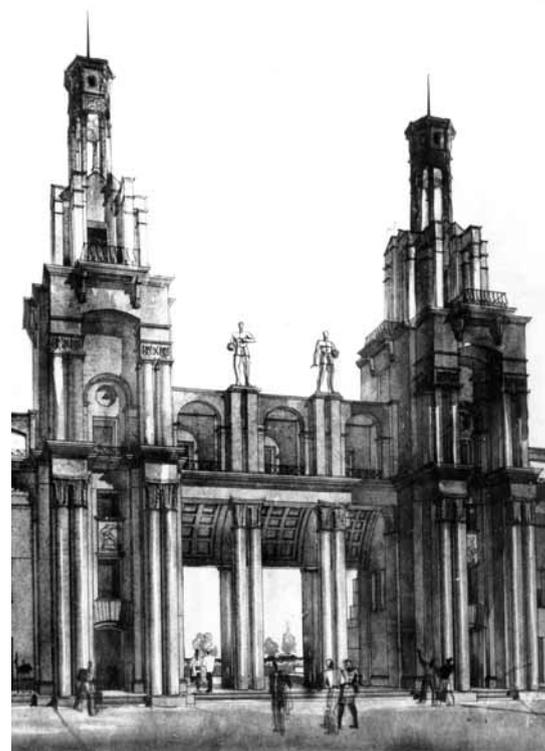
Просмотрел фототчет со Спартакиады «Гражданпроекта» и объяснял мне:

«В. Санников выиграл санный спуск обязательно».

Любил свой стадион и однажды пригласил посмотреть на местный «Авангард». Смушался.

Втолковывал (после поездки по Европе), что парковочная авторучка стоит 20 фунтов только потому, чтобы не все могли ее купить (и он ее не купил).

Когда О.Г. (Ольга Григор-

рьевна – супруга) приносила ему в кабинет (в квартире на К. Маркса) тарелочку с медовыми блинчиками, Кербель делал вид, что хватит на двоих.

Он боготворил О.Г., и она ему отвечала тем же.

В кафе «Таллинн» (в Таллинне же), указывая глазами на ярких эстонских девочек, обзывал их менетчицами.

Любил Иркутск и пытался взболтнуть это вечно сонное и пыльное царство.

Подарил мне как будущему скульптору бронзового Будду, который живет уже 35 лет в Тарту. Никогда не выражал сожаления в том, что я расстался с архитектурой.

В моей мастерской есть гипсовый портрет Б. Кербеля. Он брезгливо поглядывает на меня и моих гостей.

Не принял мой эскиз для надгробия О.Г...

Его последнее сердитое письмо...

Остальное я уже припомню ему. Скоро. Когда встречу с ним.

Прости мне, Борис Михайлович! Спасибо тебе за все!».

Из воспоминаний

В.А. Павлова:

«...У меня был великий учитель Левинсон. Евгений Анатольевич обладал изумительным свойством самоиронии, и он воспитывал в нас это качество.

Для меня было великим счастьем, приехав в Иркутск, сразу попасть под опеку удивительно культурного и самоироничного человека – Кербеля Б.М., который учил нас относиться к делу, не теряя чувства юмора. Сегодня, оглянувшись вокруг, я вижу этих проклятых чиновников, жадных, злобных, абсолютно лишенных не только ума, но и потерявших чувство самоиронии.

Мне представляется, что любое творчество начинается только потому, что человек начинает осознавать, чем он занимается. То есть прежде чем делать какой-то предмет, надо понять его место, где он находится, и вот здесь не обойтись без чувства некоего осознания, что это вторично, а первично все-таки некая божественная сущность самого места. Вот это и есть самое главное градостроительное осознание своего положения, чего не хватает современным архитекторам и что умел довести до нашего сознания Кербель.

Это был всегда великий партнер, который, чуть-чуть издеваясь над своим собеседником, но – в крайне образовательной форме – помогал ему осознать ту самую задачу, которую диктовала ситуация. При этом он относился с удивительнейшим уважением к молодым. Он порождал у автора объекта качество любви к окружению и поэтому, разрабатывая лю-

бой объект, всегда находился в некоем осознании созвучия того объекта, делая его в нюансе или в контрасте.

Первая его байка выплывает сейчас из сознания. О главном архитекторе Москвы, который объяснял французам, что такое градостроительный совет. Бедные французы хлопали глазами и никак не могли понять, почему градсовет? Почему эти люди обсуждают работу своего коллеги? И на это главный архитектор – тогда, по-моему, Лавейко – им объяснил: «Ну как же вы не понимаете?! Мы собрали наиболее грамотных, наиболее умелых, наиболее сильных архитекторов, и они объясняют вам, как нужно поступать с этим объектом.

Тогда французы развели руками: «А почему вы тогда просто им этого не закажете?»

Таких историй, рассказанных им, можно вспомнить много. Но не это же главное. Кербель был для нас старейшим – и вовсе не из-за возраста. Борис Михайлович, наделенный очень сильным культурным умом, был человеком, передававшим нам свой опыт и творческие контакты, не деловые, не карьерные, этого он был лишен начисто, а именно творческие, он был человеком, который нас держал на пульсе именно российской архитектуры. Вот это тогда было самое главное.

Наверное, эту взаимосвязь «Кербель – Павлов» отмечали в то время многие. И будет уместным привести еще одну выдержку из исторического теперь уже документа:

«...Неоценимую услугу оказывает общественная деятельность тов. Кербеля Б.М. при работе с молодыми архитекторами, многие из них обязаны своим становлением как архитекторы обществу с Борисом Михайловичем» (выписка из протокола от 25.06.1979 г., председатель правления ИО СА СССР – Павлов В.А., секретарь – Антипин Л.Ф.).

Из воспоминаний

В.Ф. Буха:

«Наверное, не всегда парадокс ироничен или ирония парадоксальна, но Борис Михайлович любил их именно в таком сочетании, выхватывал из жизни, обращал внимание, создавал и участвовал сам, словом – по-

лучал удовольствие.

«Один архитектор хорошо прорабатывал планировку квартир, а фасады – как получится. Другой все внимание уделял фасадам, на планировку не тратился. И, представьте себе, стоят такие дома друг против друга. Жильцы первого живут в хорошо спланированных квартирах и из окон имеют вид на приличную архитектуру. Жильцы второго прозябают в скверных квартирах. И из окон смотреть не на что».

Первому секретарю обкома партии не понравилось, как были покрашены фасады аэровокзала, и он велел Кербелю, главному архитектору области: «Борис Михайлович, скажите главному архитектору города, пусть перекрасит фасады».

«В таком случае не колер нужно менять, а главного архитектора», – заметил Кербель».

Уже на пенсии Борис Михайлович иногда звонил мне домой, случалось, довольно поздно, и предвещал разговор таким «извинением»: «Раз у Вас дома телефон, то не для того, чтобы звонить по нему в рабочее время».

Борис Михайлович – собеседнику: «Люди читают «Советскую культуру», «Литературную газету», а Вы – «Труд». О чем же с Вами говорить?!»

В. Павлов, начав работать в Иркутске, попал в расположение к Кербелю. Помню, проезжая мимо построенных блоков жилого дома с квартирами в двух уровнях в микрорайоне Байкальский, Борис Михайлович так отозвался о способностях Павлова: «Я понимаю, можно такое запроектировать, можно согласовать, но что бы построить?!»...

Ну вот, наверное, и все. Теперь можно сходить в музей и ознакомиться с его архивом, можно беседовать с теми, кто работал с ним и дружил, можно целенаправленно и осмысленно проехать по городу и взглянуть уже по-другому на его объекты. Но в памяти остался невысокий, с густыми убежденными волосами, в светлом плаще, с полуулыбкой на губах и тихим голосом человек. И чувство утраченной для меня возможности.

Светлана Середенкина

